

УДК 82-3  
ББК 83.3(2Рос)

**М. Ч. Ларионова,  
О. А. Шепелева**

**ОТЧЕГО УМЕР ЧЕРВЯКОВ?  
ТРАДИЦИОННАЯ  
КУЛЬТУРА  
В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА  
«СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА»\***

Чихание в традиционной культуре обладает рядом коннотаций, связанных с душой и смертью. Но Чехов соотносит чихание героя не с физиологией, а с общественным существованием человека. Червяков болен чиновничеством, т. е. болезнью социальной. Формула «будь здоров», будь она произнесена, позволила бы Червякову остаться живым и регламентировала бы социальные отношения между значительным лицом и мелким чиновником, перевела бы их на человеческий уровень. Человек одинок в неправильно устроенном мире.

**Ключевые слова:** Чехов, «Смерть чиновника», чихание, традиционная культура.

DOI 10.23683/1995-0640-2019-1-36-41

**Ларионова Марина Ченгаровна** – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры отечественной литературы Южного федерального университета, зав. лабораторией филологии Южного научного центра Российской академии наук  
Тел.: +7-903-439-86-71  
E-mail: larionova@ssc-ras.ru

**Шепелева Ольга Александровна** – ст. преподаватель кафедры истории русской литературы и теории словесности Донецкого национального университета  
Тел.: +38071-37-59-789  
E-mail: o.shepelyova@gmail.com

©Ларионова М. Ч.,  
Шепелева О. А., 2019.

Маленький, всего на три странички, рассказ А. П. Чехова «Смерть чиновника» давно стал хрестоматийным. В самом деле, сюжет кажется простым: мелкий чиновник Червяков в театре, чихнув, случайно обрызгал впереди сидящего генерала, многократно пытался извиниться и умер, вызвав своей назойливостью гнев значительного лица. Рассказ о губительной силе чиновничества и о человеке с говорящей фамилией, который не сумел выдвинуть из себя раба. Однако возникает вопрос, почему в качестве завязки сюжета Чехов избирает именно чихание. Ведь Червяков мог нечаянно наступить генералу на ногу, толкнуть его, облить в буфете и т. д.

В поисках ответа на этот вопрос на помощь приходит традиционная культура, то значение чихания, которое сложилось в национальном сознании и которое носитель традиции безошибочно распознает. Почему мы говорим «будь здоров» именно в ответ на чихание, а не на кашель, например? Как пишет известный исследователь чихания как культурного феномена К. Богданов, «отношение к чиханию как к чему-то большему, чем того, казалось бы, требует это чисто физиологическое явление, известно у самых различных народов, начиная с глубокой древности и продолжая днем сегодняшним, – и уже по одному этому заслуживает посильного объяснения» [Богданов, 2001, с. 182]. Тем более заслуживает «посильного объяснения» это действие в литератур-

\* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8

ном произведении, где, по нашему глубокому убеждению, нет ничего случайного.

Обращение к этнокультурным пластам чеховских произведений часто вызывает недоумение исследователей. Какое отношение этот интеллигентный и литературно образованный писатель имеет к народной культуре? Но следует учесть, что Чехов вырос в Таганроге, где на рубеже XIX – XX вв. традиционная культура была живым и актуальным явлением. Были театр, музыкальные и литературные вечера, но были и народные праздники, приметы, суеверные представления. Главным образом, они бытовали в купеческой и мещанской среде. То есть материал традиционной культуры окружал Чехова всю жизнь.

Традиционная культура рубежа XIX – XX вв. – это преимущественно городская культура. Это крестьянская культура, перенесенная на городскую почву и видоизменившаяся. У нее другие функции, не ритуально-магические и регулятивные, а развлекательные. Сакральное заменилось профанным, бытовым. По словам исследователя, «провинция всегда была подвержена традиционности и всегда стремилась эту традиционность обновлять. В этом была и остается основа для дальнейшего развития любого города российской провинции, в том числе и Таганрога» [Шулепова, 2004, с. 10].

Еще одним аргументом в пользу хорошего знания традиционной культуры является круг чтения писателя. Известно, что во время подготовки диссертации «Врачебное дело в России» Чехов прямо или косвенно обращался к разнообразным источникам. Указатель этих источников, приведенный в Примечаниях к XVI тому Полного собрания сочинений писателя (1974 – 1983), насчитывает 121 наименование. По народной медицине, этнографии, традициям и фольклору – 38. Почти треть! Среди них «Абевега русских суеверий» М. Ч. Чулкова, «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, «Быт русского народа» А. В. Терещенко, «Песни, собранные П. В. Киреевским». Сведения из этих книг, как и собственные впечатления о народной культуре в ее городском провинциальном изводе пригодились Чехову не только при подготовке диссертации, но и в художественном творчестве.

С чиханием в традиционной культуре связаны разнообразные суеверия (регламентации поведения, мотивировки, последствия несоблюдения указаний) и приметы. Считается, например, что если чихнуть во время своей или чужой речи, значит подтвердить правдивость высказывания. Так чихает Телемах в ответ на слова Пенелопы, сулящей возвращение Одиссея и гибель женихов.

Червяков, как известно, «глядел в бинокль на “Корневильские колокола”» [Чехов, 1975, с. 164], т. е. слушал комическую оперу Р. Планкета. Любопытно было бы узнать, в какой момент действия он чихнул. Ответа на этот вопрос в тексте нет. Но сама опера подсказывает векторы интерпретации чеховского рассказа. Героиня оперы Планкета Жермен, племянница зажиточного крестьянина Гаспара, в результате необычных событий выходит замуж за нового владельца заброшенного замка Корневиль. К тому же она оказывается дочерью прежнего владельца замка. Так возникает тема социального преобразования и возвышения, которая очевидно близка Червякову. В замке водится привидение, по ночам в окнах мелькает таинственный свет. И хотя выясняется, что это Гаспар пугает случайных прохожих,

поскольку прячет в замке свое богатство, этот мотив задает возможность прочтения рассказа в кодах традиционной культуры.

Чихание, как известно, не волевой акт, а случайность, которую человек не может контролировать. Так его сначала и воспринимает герой рассказа: «Червяков нисколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не беспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем?» [Чехов, 1975, с. 164]. Однако Чехов соотносит чихание не с физиологией, а с общественным существованием человека. Чихание становится, так сказать, социальной функцией, поскольку приводит к гибели Червякова. Чихающему принято желать здоровья. Значит, Червяков болен? Чем он болен? Имеет ли его болезнь органический характер? Нет, Червяков болен чинопочитанием, т. е. болезнью социальной. Физиологическое и социальное оказываются у Чехова изоморфными – и равно репрезентируют человека.

Однако в рассказе чихание Червякова не только физический и социальный акт, но и метафизический. В народных представлениях дыхание связывается с душой, поэтому при чихании – сильном и резком выдохе – душа может вылететь: «Чихание, особенно многократное, воспринимается русским человеком как “маленькая смерть”... Пожелание здоровья направлено на то, чтобы вернуть душу на место и не допустить ее выхода за пределы тела» [Большой словарь примет, 2009, с. 636]. Этим, а не только гигиеническими соображениями объясняется требование закрывать при чихании рот рукой или платком (при зевании рот обязательно надо крестить, чтобы нечистая сила не проникла внутрь тела). Червяков не закрыл рот: обрызгал генерала и вычихнул душу. Поэтому и умер. Таким образом, связь между чиханием (незначительным и не зависящим от человека обстоятельством) и смертью (катастрофическим событием) становится очевидной, а результат неизбежным.

В рассказе Червяков умирает на третий день после чихания. За символической смертью в начале рассказа (*дыхание остановилось*) следует реальная. С. М. Толстая пишет: «...душу можно выпустить и выплюнуть от страха <...> Но главным “контекстом”, в котором проявляет себя эта способность души перемещаться, оказываются выражения, характеризующие состояние крайнего изнеможения, смертельной усталости, болезни, иссякания жизненных сил перед смертью, перед окончательным выходом души из тела» [Толстая, 2000: с. 445–446]. Это мы наблюдаем и в рассказе:

1) вечер в театре – чихание / две попытки извиниться – «маленькая смерть» (*дыхание остановилось*) / начало постепенной потери жизненной активности (*skonфузился, неловко, глупо улыбнулся, его начало помучивать беспокойство, пробормотал*),

2) первый день после происшествия – новые попытки извиниться – угасание жизненной активности (*подумал Червяков бледнея, забормотал*), агония (*не стану я больше извиняться перед этим фанфароном! Черт с ним! Напишу ему письмо, а ходить не стану!*). Здесь и озлобленность, и раздражительность, и гордость, и непоследовательность (*Письма генералу он не написал. Думал, думал, и никак не выдумал этого письма*),

3) второй день после происшествия, день смерти – последняя попытка извиниться – продолжение агонии в обращении к генералу (снова

Червяков стремится все объяснить), полная потеря жизненной активности и смерть (*забормотал, спросил шепотом, млея от ужаса, в животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер*).

Червяков перед смертью уподобляется покойнику: ложится в своем вицмундире (в лучшей одежде, нарядный) на диван, как в гроб. Рассматривая чихание как «маленькую смерть», вспомним, что хоронить покойника принято на третий день, и соотнесем это со временем действия в рассказе, которое тоже охватывает события трех дней.

Кроме Червякова в рассказе есть еще один не менее значимый герой – генерал. Между ними устанавливаются своеобразные отношения двойничества. Их поведение развивается по одному «сценарию»: естественная реакция на незначительное событие – катастрофический финал. Оба – порождение одной системы, которая убивает в человеке человека. Не потому ли Брижжалов стал генералом, что в свое время был «Червяковым»?

С точки зрения традиционной культуры, виновен не чихающий Червяков (в этот момент он не властен над собой, здесь дело случая), а генерал: «Никогда не надо забывать сказать человеку: “Будь здоров!” – не то черт решит, что ты ему смерти желаешь, и подсуетится, чтоб чихающего сгубить» [Грушко, Медведев, 1995, с. 505]. С. В. Максимов указывает на суеверие, что черти уносят младенцев, когда последним «дают чихнуть и не поздравствуют ангельскую душу, не пожелают роста и здоровья» [Максимов, 1903, с. 21]. Генералу всего-то и надо было пожелать Червякову здоровья.

Несоблюдение ритуального поведения объясняет смерть Червякова, тем более что последнему жизненно необходим ответ, нужное слово. Непроизнесенная формула «будь здоров» в рассказе выступает не просто как этикетно-бытовая, но и как социально-магическая, т. е., с одной стороны, она позволила бы Червякову остаться живым, а с другой – регламентировала бы социальные отношения между значительным лицом и мелким чиновником, перевела бы их на человеческий уровень.

В конце первого дня, уже после произошедшего и двух попыток извиниться, Червяков, не веря словам генерала о том, что тот забыл о происшествии, думает: «*Забыл, а у самого ехидство в глазах <...> И говорить не хочет*» [Чехов, 1975, с. 165]. В этот же вечер при разговоре с женой повторяется мысль об отсутствии ответа: «*Я извинялся, да он как-то странно... Ни одного слова путного не сказал. Да и некогда было разговаривать*» [Там же]. О нежелании говорить подумает герой и на следующий день: «*Говорить не хочет! <...> Сердится, значит... Нет, этого нельзя так оставить... Я ему объясню...*» [Там же]. Но в связи с неудачами под конец второго дня Червяков говорит: «*Черт с ним! <...> Ей-богу не стану <больше извиняться>!*» [Там же, с. 166].

Генерал не только не говорит «путного слова», он ускоряет смерть Червякова. В генерале объединяются два лица: он «свидетель» чиха и он же тот, на кого буквально чихнули (обрызгали). Последнее обстоятельство подчеркивает увеличение силы генерала, прямо противоположное ее уменьшению у Червякова. Последняя встреча заканчивается тем, что генерал не выдерживает: «*Пошел вон!! – гаркнул вдруг посиневший и затрясший-*

ся генерал» [Чехов, 1975, с. 166]. Используя формулу «пойди вон!», генерал не просто выгоняет Червякова, он изгоняет из него душу, его дух (ср. «душа вон», «дух вон» – умереть). Так благодаря языку традиционной культуры смысл рассказа переводится в экзистенциальный план.

Важно и то, что ритуальное поведение в данном случае касается не только генерала, но и сидящих рядом. Ответить на чихание может и должен, следуя народным правилам, всякий свидетель, но мы знаем, что и этого не происходит. Более того, Чехов в первом эпизоде (вечером в театре) говорит только о Червякове и генерале, что, с одной стороны, направляет наше внимание на указанных персонажей, а с другой стороны, создает впечатление их абсолютной изолированности этим вечером от людей; возникает иллюзия, что вокруг больше никого и нет.

Итак, Червяков умер оттого, что «вычихнул» самого себя, а вокруг не нашлось никого, кто пожелал бы ему здоровья. Человек социально и экзистенциально одинок в неправильно устроенном мире. Как можно увидеть, традиционная культура может стать своего рода комментарием к произведениям Чехова, проясняя детали, способствуя формированию знаменитого чеховского «подтекста». Выявление ее элементов в творчестве писателя позволяет лучше понять неповторимость его творческой манеры, увидеть его особое место в литературе рубежа XIX – XX вв., еще классической, но уже рождающей новые художественные формы.

### Литература

*Богданов К.А.* Чихание: явление, суеверие, этикет // *Богданов К.А.* Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: «Искусство-СПБ», 2001. С. 181–241.

Большой словарь примет / Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева, Н.Н. Иванова. М.: АСТ Астрель, 2009. 687 с.

*Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Н. Новгород: Русский купец, 1995. 560 с.

*Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. 529 с.

*Толстая С.М.* Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 52–95.

*Шулепова Э.А.* «Гений места» и его провинция // Таганрогский вестн.: материалы Междунар. науч. конф. «Молодой Чехов: проблемы биографии, творчества, рецепции, изучения». Таганрог, 2004. С. 8–12.

*Чехов А.П.* Смерть чиновника // *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 164–166.

### References

Bogdanov K.A. Chikhanie: yavleniy, sueverie, ehtiket, *Bogdanov K.A. Povsednevnost' i mifologiya: issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti*, Saint-Petersburg, Iskusstvo SPB, 2001. Pp. 181-241. (In Russian).

Grushko E.A., Medvedev Yu.M. *Slovar' russkikh suyeveriy, zaklinaniy, primet i poveriy*, N. Novgorod, Russkiy kupets, 1995. 560 p. (In Russian).

Maksimov S.V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila*, Saint-Petersburg, 1903. 529 p. (In Russian).

*Bol'shoy slovar' primet*, T.G. Nikitina, E.I. Rogaleva, N.N. Ivanova, Moscow, AST Astrel, 2009. 687 p. (In Russian).

Tolstaya S.M. Slavyanskiye mifologicheskiye predstavleniya o dushe, *Slavjanskiy i balkanskiy fol'klor. Narodnaya demonologiya*, Moscow, Indrik, 2000. Pp. 52-95. (In Russian).

Shulepova Ye.A. «Geniy mesta» i yego provintsiya, *Taganrogskiy vestn.: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Molodoy Chehov: problemy biografii, tvorchestva, retseptsii, izucheniya»*, Taganrog, 2004. Pp. 8-12. (In Russian).

Chehov A.P. Smert' chinovnika, *Chehov A.P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. Tom 2*, Moscow, 1975. Pp. 164–166. (In Russian).

**Marina Ch. Larionova, Olga A. Shepeleva** (Rostov-on-Don, Russian Federation. Donetsk, DNR)

### **What killed Chervyakov? Traditional Culture in A.P. Chekhov's Story "Death of a Government Clerk"**

A.P. Chekhov chooses character's sneezing as a starting point of the story "Death of a government clerk". In traditional culture sneezing owns set of stable connotations. A.P. Chekhov, who was born and lived for a long period of time in Taganrog, was well acquainted with traditional culture in its urban and province recension. The writer also studied works on folk medicine, ethnography and folklore. Various superstitions and omens are connected with sneezing. A.P. Chekhov brings sneezing into correlation with human's social being, so it becomes character's social function as it later results in Chervyakov's death. Chervyakov is sick with respect for rank, i.e. social disease. A.P. Chekhov makes physiological state and social status isomorphous, so they equally reflect the character. However, Chervyakov's sneezing in the story is not physical and social act only, but it is also metaphysical. In national perception concept of sneezing is connected with soul and death. Thus, connection between sneezing (minimal and independent from human action) and death (catastrophic event) becomes obvious and the result is inevitable. There is one more important character in the story – general. Between these two characters peculiar relationships of character's doubling are set. Both of them are from the system which kills a human in a human-being. Chervyakov died because he "sneezed out" himself. Human is socially and physically lonely in this wrongly organized world. Traditional culture can become a kind of comment on Chekhov's works, making details clear, helping to form famous Chekhov's "underlying theme".

**Key words:** *A.P. Chekhov, "Death of a government clerk", sneezing, traditional culture.*

**Marina Ch. Larionova** – Dr. Habil. in Philology, head of laboratory of philology of the Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of national literature of the Southern Federal University. Phone: +7 903 439 86 71; e-mail: larionova@ssc-ras.ru

**Olga Al. Shepeleva** – Senior lecturer of the history of Russian literature and theory of linguistics dpt. of Donetsk National University. Phone: +38071-37-59-789; e-mail: o.shepeleva@gmail.com